

Линь Цюн вернулся домой, неся в руках пакеты с покупками. Как только он переступил порог, то увидел Фу Синьюня, сидящего в гостиной с газетой в руках — тот читал финансовые новости.

Линь Цюна новости никогда особенно не интересовали; в конце концов, в прошлой жизни он сам стал героем одной из громких социальных хроник.

Звук шагов привлёк внимание Фу Синьюня. Он повернулся и увидел, как Линь Цюн заходит в комнату, увешанный пакетами.

Уловив его взгляд, Линь Цюн слегка улыбнулся:

— Доброе утро.

Уголки губ молодого человека едва заметно дёрнулись. Его волосы больше не были уложены так безупречно, как на вчерашней свадьбе. Теперь густые чёрные пряди свободно спадали на лоб, придавая ему вид студента, только что вышедшего с кампуса.

Фу Синьюнь мельком оглядел его, затем отвернулся.

Линь Цюн: "..."

Чёрт, ну и гад же он.

Линь Цюн отправился на кухню готовить завтрак, а потом вернулся в гостиную, чтобы позвать Фу Синьюня к столу.

Фу Синьюнь наблюдал за его поведением. В каждом движении Линь Цюна чувствовалась какая-то странность, что-то было не так. С тех пор, как тот вчера вечером вошёл в его комнату, у Фу Синьюня засела в голове тревожная мысль:

Наверное, его подслали из старого особняка, чтобы шпионить за мной.

Раньше он собирался просто игнорировать Линь Цюна — если тот не станет мешать, можно было обращаться с ним как с фоновым шумом. Но теперь всё оказалось куда сложнее.

Фу Синьюнь не всегда был таким подозрительным — по крайней мере, до того пожара полгода назад.

После завтрака Линь Цюн посмотрел на Фу Синьюня, сидящего в инвалидном кресле. В этом огромном особняке не было видно ни одного сиделки. Безжалостность семьи Фу действительно поражала.

Неудивительно, что Фу Синьюнь не пощадил даже собственного отца, когда пришло его время брать верх.

— Сегодня хорошая погода. Давай я вывезу тебя на прогулку.

Утром, когда Линь Цюн выходил за покупками, небо было чистым и ясным. Теперь его глаза незаметно скользнули к ногам Фу Синьюня.

Свежий воздух и солнечные ванны полезны для усвоения кальция.

Мужчина бросил на него взгляд и холодно сказал:

— Нет.

Линь Цюн не отступал:

— На улице воздух свежий. Если будешь сидеть взаперти весь день, грибы на себе вырастишь.

Фу Синьюнь остался непреклонен:

— Я не поеду.

Ха! Упрямый мальчишка!

Но теперь всё должно было быть ради физического и психического здоровья этого человека. Иначе Линь Цюн не смог бы спокойно принять алименты после развода в будущем.

Он подошёл ближе и наклонился, его ясные, живые глаза оказались на одном уровне со взглядом Фу Синьюня.

— Пойдём на прогулку, — мягко уговаривал он. При этом Линь Цюн протянул руку и осторожно коснулся ноги мужчины. Его прохладные пальцы легли на колено — если присмотреться, можно было заметить, как белоснежные, тонкие пальцы едва заметно дрожат. Словно птичка-щепка, севшая на спину крокодилу. — Ты ещё восстанавливаешься. Солнечные ванны и кальций ускорят процесс заживления, и ты сможешь скорее встать на ноги.

Фу Синьюнь нахмурился, в его глазах промелькнула бездна — тёмная и холодная.

Словно перед ним только что рассказали оскорбительную шутку.

Врачи говорили, что он останется парализованным до конца жизни и никогда больше не встанет. А этот человек перед ним... действительно думает, что всё иначе?

Фу Синьюнь положил руки на колени и сказал:

— Не нужно тебе об этом волноваться.

Линь Цюн, с детства привыкший бороться в одиночку, лишённый семейной опеки, давно научился читать эмоции по лицам.

Увидев выражение лица Фу Синьюня, он понял: наступил на мину.

Но нога уже была на месте — отступить было поздно.

Он с трудом сглотнул, но всё же пошёл дальше:

— Мы ведь уже женаты. Как ты можешь говорить, что мне не нужно о тебе беспокоиться?

Фу Синьюнь холодно ответил:

— Не забывай, почему мы поженились.

Линь Цюн посмотрел на него долгим, пронизывающим взглядом, потом опустил голову. Щёки его вспыхнули румянцем, и он застенчиво пробормотал:

— Из-за любви.

Фу Синьюнь: "..."

Уловив, как лицо мужчины становится всё более ледяным, Линь Цюн поспешно добавил:

— С твоей стороны это, может, и было из-за выгоды. Но с моей — всегда из-за любви.

Он сделал шаг вперёд и взял Фу Синьюня за руку:

— Фу Синьюнь, я ведь на самом деле давно тебя люблю.

— Просто раньше ты был слишком ярким, слишком недосыгаемым, — продолжал он. — А я был всего лишь одним из тех, кто молча восхищался тобой издалека.

Он прижал пальцы друг к другу, оставив между ними крошечный просвет размером с зёрнышко зелёного горошка:

— Мне казалось, что я тебе не ровня.

— А потом с тобой случилось несчастье, и вдруг мне представился шанс — пусть и по расчёту, — выйти за тебя. И хотя я говорил, что не хочу... — Линь Цюн на миг замолчал, взглянув на массивное обручальное кольцо на своей руке, — на самом деле сердце у меня тогда ликовало.

Он смотрел прямо, ясно, без тени стыда или колебания. Фу Синьюню показалось, будто маленькая мышка прокралась в угол его сознания и оставила там крошечную трещину.

Но трещина была ничтожна — меньше процента. Пара наивных слов не могла изменить его мнение о Линь Цюне.

В глазах Линь Цюна постепенно появилась печаль:

— Я знаю, ты не любишь меня. Наша свадьба — всего лишь сделка между семьями. Но ничего! Позволь мне быть рядом с тобой в это трудное время. А когда ты поправишься, мы разведёмся.

С этими словами он снова положил ладонь на его колено. На этот раз он не смотрел ему прямо в глаза — лишь слегка запрокинул голову, чтобы взглянуть снизу вверх.

Белоснежное лицо чуть поднято, брови мягко опущены, взгляд снизу — такой, каким смотрит на хозяина маленькое зверько. Он выглядел до невозможности трогательно, вызывая неосознанное чувство умиления.

Взгляд Фу Синьюня непроизвольно остановился на его лице. Он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но Линь Цюн вдруг приложил палец к его губам.

— Мне не нужна твоя любовь. Мне просто нужно быть рядом... — и, конечно, алименты.